

© 1993 г. ШАТУНОВСКИЙ И.Б.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ, "СВЯЗКА" И НЕРЕФЕРЕНТНЫЕ СЛОВА

1. Выражаемая предложением "простейшая единица мышления, простейшая коммуникация (= пропозиция. — Ш.И.) состоит из сочетания (разрядка наша. — Ш.И.) двух представлений, приведенных движением воли в предикативную... связь" [1]. Соответственно, обязательным элементом семантической структуры предложения, наряду с субъектом и предикатом, является "связка" — идея соединенности представлений (концептов)¹, образующих пропозицию. В последнее столетие в логике и лингвистике преобладало мнение об избыточности этого понятия [2]. Решительный поворот к переоценке роли связки сделан в статье Н.Д. Арутюновой [3] на материале анализа номинализаций. Предложение (например, *Женщина поет*) может быть трансформировано в именные группы (ИГ) различного типа. В атрибутивной конструкции (*женщина, которая поет / поющая женщина*) в семантико-синтаксической вершине — субъект трансформированного предложения. Полные номинализации (*пение женщины*) предназначены для "вынесения" в вершину ИГ предиката. Поскольку "предикат суждения, понимаемый в узком и собственном смысле этого термина, указывает на признаки, свойства, состояния, действия и т.п. субъекта" [4, с. 164], полные номинализации имеют в типичном случае значение признака (в широком смысле, т.е. качества/процесса/действия/состояния и т.п.) [5, с. 71; 3, с. 356; 6, 7]. Возникает вопрос: какой компонент находится в семантико-синтаксической вершине неполных номинализаций — (*то*), что женщина поет? Ясно, что не предикат: ведь в этом случае полные и неполные номинализации были бы всегда эквивалентны, фактически же такая эквивалентность имеет место только в особых условиях. Неполные номинализации имеют значение факта или пропозиции [5, с. 71—72], в то время как полные номинализации в общем случае, как было отмечено выше, обозначают признак: *Мне нравится ее пение* ≠ ... (*то*), что она поет. В вершине неполной номинализации, делает вывод Н.Д. Арутюнова, связка ("копула", "предикативное отношение") [3, с. 357].

Таким образом, в вершину ИГ может быть вынесена любая из составляющих предложения. Можно говорить о предмете, имеющем признак, можно говорить о признаке, который имеет предмет, и можно говорить о том, что предмет имеет признак.

2. Многие из слов, традиционно относимых к предикатам, не могут образовывать полные номинализации со значением признака (*существует, полагает, видит* и др.). Слова этого класса или вообще не образуют полных номинализаций (ср. [8; 3, с. 356; 9], или дают полные номинализации, которые имеют значение факта или пропозиции и не могут обозначать признак (процесс, действие, качество и т.д.) (ср. [10, с. 166]). Такие полные номинализации эквивалентны неполным и могут быть перефразированы посредством придаточных предложений того или иного типа.

Какие лексические группы образуют класс дефектных в отношении номина-

¹ Термины "представление", "концепт" употребляются в статье в широком смысле, для обозначения любого психического образа, независимо от степени его отчетливости

пизаций слов? Чем обусловлена эта дефектность? Перейдем к рассмотрению указанных вопросов.

3. Не образуют полных номинализаций связки (в узком смысле — слова, связывающие субъект и предикат): *быть, являться, оказаться, носить, обладать, характеризоваться, иметь; свойственно, присущ(е)* и т.д.: *Он является учеником Шахматова* → **его явление учеником Шахматова*.

В рассматриваемый класс входят и слова, выражающие тождество: *быть, являться, равняться, равен, эквивалентен, идентичен, тождествен*. Они или вообще не образуют полных номинализаций, или образуют полные номинализации со значением факта/пропозиции: *Тождество А и В доказано* = *Доказано, что А и В тождественны*.

Аналогичное положение со словами, обозначающими таксономическое "тождество" (= таксономическую предикацию) и, шире, вообще вхождение элемента в множество: *быть, являться, относиться (к), входить (в), состоять (в), принадлежать (к), образовывать* и др.

То же самое с локативными, посессивными и бытийными глаголами. Если они и образуют полные номинализации, последние имеют значение факта или пропозиции: *Фекла крепко верила в существование бога и нечистой силы* = ... *в то, что бог и нечистая сила существуют*.

4. Сходство в деривационном и синтаксическом поведении слов рассмотренных групп наводит на мысль, что имеется какая-то сущностная общность в их семантике, которая и обуславливает это сходство.

Традиционно не только *является, тождествен, существует* и т.п. считаются имеющими разные значения, но и слово *есть* рассматривается как многозначное, имеющее разные и даже не связанные друг с другом значения. «... Нет никакой естественной или необходимой связи между глагольным понятием "существовать, быть, иметься в действительности" и функцией "связки"», — считает Э. Бенвенист [11, с. 205]. Б. Рассел, вслед за Г. Фреге, выделяет три основных значения связки *есть (is)*: 1) смысл, в котором она утверждает бытие; 2) смысл тождества; 3) смысл предикации [12].

Я. Хинтиikka, опровергая традиционный взгляд, утверждает, что для такого деления нет оснований: «... Мы не можем отделить одно от другого "есть" тождества, "есть" предикации и "есть" существования» [13, с. 322]. В теоретико-игровой семантике «различные использования слова *есть (is)* отличаются одно от другого благодаря контексту. Поэтому нет необходимости постулировать существование различных смыслов связки "есть"» [13, с. 330].

Как представляется, не только *есть* в различных употреблениях, но и *тождествен, существует, входит (в)* и др. слова перечисленных выше групп выражают одну и ту же идею — идею "соединения", "совмещения" представлений (концептов), образующих выражаемую предложением пропозицию; иными словами, все они представляют собой различные воплощения одной и той же сущности — "связки". Семантические различия между предложениями характеризующей предикации, таксономической предикации, тождества, существования и т.д. связаны прежде всего с различиями соединяемых в них концептов. В предложениях характеризующей предикации соединяются представление предмета и представление признака; в предложениях таксономической предикации совмещаются концепт предмета (образующий тему) и концепт класса (или концепты видового класса и родового класса); если совмещаются концепты равного "объема" (в физическом и/или логическом смысле), то предложение выражает тождество. Бытийные предложения, как отмечено в [14, с. 8], распадутся на два разряда. В первом из них соединяются концепт, отражающий пространственный (физический) фрагмент мира большего объема ("область бытия"), — в роли темы — и концепт, отражающий пространственный концепт мира меньшего объема ("бытующий предмет") (такие предложения обратны локативным). Во втором — соединяются концепт класса — в роли темы —

и концепт объекта, или концепт класса большего объема и концепт класса меньшего объема (такие предложения обратны предложениям таксономической предикации) [14, с. 8, 13 и др.; 15—17].

Если "областью бытия" является "весь мир", то ее обозначение может опускаться. Однако и в этих случаях *есть* (*существует*) полностью сохраняет свою связочную функцию, поскольку значение "мир" входит в семантическую структуру предложения, подразумевается [5, с. 205, 210; 14, с. 94; 16, с. 144]. Связка в этих предложениях сочетает "объект" и "мир"².

Мы, конечно, не хотим сказать, что *существует*, *тождествен*, *имеет* и т.д. — синонимы. Однако семантические различия между ними носят "поверхностный" характер: они сводятся к информации о характере значения соединяемых ими компонентов. Информация, которая уже содержится в присвязочных словах, дублируется в этих случаях формой самой связки (а в ряде случаев также различиями синтаксических конструкций).

5. Слова, значение которых сводится к "связке", нереферентны в полном смысле слова. Если имена обозначают предметы, а предикаты — их признаки, то "связки" не соотносятся ни с каким элементом объективной действительности. Они лишены, говоря словами Пешковского, "реального", "вещественного" значения [19].

Можно спросить: разве само соединение предмета и признака, целого и части и т.д. не существует в объективной действительности? А если такое соединение есть, то "связки" не лишены объективной референции: они обозначают это соединение. Ср. тезисы Витгенштейна: "Предложение — образ действительности" [20, § 4.01]; "То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи" [20, § 2.15] и т.д. Имеются, однако, веские основания полагать, что представление о том, что в действительности предмет соединен с признаком и т.д., является иллюзией, проекцией формальной и семантической структур предложения на окружающий мир. То, что соединено, должно быть в каком-то смысле отдельным; но не может предмет (в действительности) не быть самим собой, не может объект не быть частью мира (не существовать), не может быть (в действительности) предмета без признаков, равно как и признака без предмета. Только в зеркале человеческого сознания может быть отражено два предмета там, где в действительности предмет один. Только в нашем воображении может не существовать существующий объект и существовать несуществующий. Мы говорим, что нечто есть, только потому, что можем представить, что этого — нет. Мы говорим, что нечто не существует, только потому, что можем вообразить, что оно есть. Вопрос о существовании и несуществовании мог бы и не стоять, если бы человеческая фантазия не обладала этой способностью. Существующие объекты ничему не противопоставлены (в действительности), поскольку несуществующие объекты — не существуют. Только мышление и закрепляющий его результаты язык отделяют (абстрагируют) признак от предмета (а предмет — от признаков), форму — от субстанции, объекты — от пространства, часть — от целого, мир — от объектов и т.д., "разрывая" континуум на мысленные части (точнее, аспекты) [21; 4, с. 225, 227]. Но для того, чтобы получилась "картина" действительности, "то, что было разорвано, должно быть вновь соединено" [4, с. 225]. Связка — это знак для соединения в мысли того, что ранее было мыслью же отделено; она принадлежит не миру, но способу отражения мира в мысли и в предложении. Предложение (истинное) в целом отражает действительность, но это не значит, что каждый элемент предложения непосредственно отражает какой-то "кусочек" действительности и что яв-

² Разумеется, мир как компонент пропозиции — это мыслимый мир, мысленная, концептуальная "картина мира" [18]. Так, предложение *Кентавры существуют* рисует такую "картину мира", составной частью которой являются "кентавры".

ление действительности имеет тем самым ту же структуру, что и предложение. «Предложение, — пишет Хинтиikka, возражая Виггенштейну, — само по себе не есть "образ" положения дел, но представляет, скорее, инструкцию по построению такого образа» [13, с. 53, 289]. Эту инструкцию мы изложили бы в таком (чрезвычайно огрубленном, конечно) виде: "Представь Пегаса (усы); представь мир (Васю); совмести (в уме) образы Пегаса и мира (усов и Васи)" — и в результате получается картина мира, в котором есть Пегас (или Вася, имеющий усы). Но слова *есть* и *иметь* в этой картине ничего не отражают. Они только средство для построения этой картины.

В свете сказанного становятся объяснимыми особенности рассмотренных слов в области номинализаций. Поскольку они не обозначают признака, нет стимула для образования полных номинализаций (служащих для вынесения в вершину ИГ признака). Поскольку, далее, их семантика сводится к "связке", полным номинализациям от них, если они и образуются, нечего иметь в вершине, кроме "связки". Но "связка" сама по себе ничего в действительности не отражает, поэтому (поскольку нельзя говорить "ни о чем"), она должна "прихватить" с собой всю пропозицию [21].

6. Вернемся к предложению и его номинализациям. Каждое повествовательное (констатирующее) предложение является в определенном смысле утверждением существования с областью бытия "весь мир" (ср. [20, § 4.1]). «К грамматической связи, объединяющей члены высказывания, имплицитно добавляется "это есть!", которое устанавливает связь между языковым рядом и системой действительности» [11, с. 170]. Таким образом, в элементарном предложении, как правило, имеются две "связки": одна связывает концепты в диктальную [22] пропозицию и мир¹. Разумеется, собственно бытийные и небытийные предложения резко отличаются коммуникативной перспективой: если в первых связка "есть (в действительности)" входит в рему [14, гл. 2], то во вторых в коммуникативном фокусе содержание диктальной пропозиции.

Различия в значении (= модальности) номинализаций могут быть связаны с судьбой в них связки "есть (в действительности)". Если эта связка сохраняется, номинализация имеет значение факта, если она отсутствует, номинализация получает значение пропозиции в чистом виде ("нейтральную модальность") [23].

7. Продолжим рассмотрение класса слов, скрывающих в своем значении "связку". В него, в частности, входят слова группы "истинно": *истинно, ложно, правильно, неправильно, ошибочно, верно, справедливо, точно, соответствует действительности, прав* и т.д. (со всеми вытекающими последствиями в области номинализаций). *Истинно/ложно* = "есть/не есть (в действительности)" — по отношению к содержанию высказывания; остальные слова могут относиться как к содержанию высказывания, так и к содержанию (невыведенной) мысли. *Прав* в предложении относится непосредственно к человеческому субъекту, но подразумевает справедливость (правильность) его слов и мнений. *Прав, правильно, справедливо* могут употребляться в "наречном" смысле — для характеристики поступков и действий человека. Кажется, однако, что и в этом случае в конечном итоге оценивается "истинность", соответствие действительности того, чем руководствовались люди в своих поступках (их мнений, мыслей, взглядов и т.д.). Действительность при этом, конечно, следует понимать весьма широко: это не только материальный мир, но и идеальный мир моральных, эстетических, юридических, технологических и т.д. норм, установлений, правил, обычаев и т.д. (ср. *правильный* — "соответствующий правилам" [24, т. 3, с. 353]).

К "связке" сводится и значение конверсивов *называться/зваться/звать* — зна-

¹ В бытийных предложениях с областью бытия "весь мир" связка одна — "есть (в действительности)".

чить/означать/обозначать. В словарях оно толкуется через явно связочный глагол *иметь*: *называться* ("иметь, носить какое-л. название, имя" [24, т. 2, с. 355]; *значить* "иметь тот или иной смысл..." [24, т. 1, с. 618] и т.д. Помимо "связки", в значение этих слов входит информация о том, что то, что она соединяет, есть "предмет, явление" и "имя" или, шире, "знак".

Полные номинализации отсутствуют: *Это называется "ручка"* → **название этого ручкой* и т.п.

Аналогично *весить* "иметь вес..." (ср. только аналитические обозначения *иметь длину*, *иметь рост* и т.д.), *стоить* "иметь стоимость, цену..." и др. Эти глаголы соединяют представление о предмете с представлением о его весе (цене). Кроме "связки" в их значении имеется указание, к какому роду относится то, что обозначает второй присвязочный терм (вес, цена и т.д.). Полные номинализации отсутствуют (*вес*, *цена* и т.д. имеют значение параметра [25]).

8. В рассматриваемый класс входят и базовые интенциональные глаголы (глаголы пропозиционального отношения): *знать*, *думать/считать/полагать*, *верить* (и их многочисленная "родня"). Их элементарное в своей основе значение сводится к выражению идеи соединенности идеальных сущностей: субъекта, понимаемого как *mind* ("ум"), а не как *body* ("тело") [26, 27], и мысленного объекта (пропозиции, концепта, представления). Все эти глаголы описывают одну и ту же ситуацию: "имение" субъектом "в уме" мысленного объекта (или, скажем по-другому: наличие в "концептуальной картине мира" [18] субъекта того или иного "образа") (ср. [28, с. 137]). Показательно, что значения этих глаголов толкуются через *иметь*, *обладать* и т.д.: "иметь сведения" [24, т. 1, с. 617], "обладать знанием" [24, т. 1, с. 617], "иметь твердую уверенность" [24, т. 1, с. 150] и т.д., ср. также [27—31]. Поскольку мысленные объекты (пропозиции и т.д.) нас интересуют, как правило, не сами по себе, но как отражающие нечто в действительности, "имение в уме" пропозиции связано с "имением в уме" суперпропозиции, трактующей отношение пропозиции к действительности. Таким образом, при эксплицитном описании семантики и употребления данных глаголов должны быть рассмотрены две "связки": одна — "быть (в уме)" — соединяет субъект и пропозицию, другая — "быть (в действительности)" — соединяет пропозицию и мир (ср. [32]). При этом связка "быть (в действительности)" подчинена связке "быть (в уме)", поскольку она тоже входит в состав того, что есть в уме.

Различия между указанными глаголами можно (конечно, в известном приближении) свести к двум основным пунктам: 1) различия в актуальном членении предложений с этими глаголами, т.е. в том, какой семантический элемент находится в коммуникативном фокусе сообщения и какие, соответственно, относятся к данному, презумпциям; 2) различия в виде и наборе презумпций [33; 34, 10], относящихся к связке "быть (в действительности)".

В предложениях с *знать* коммуникативный фокус находится на связке "иметь (= быть) (в уме)". Поэтому в норме на глагол *знать*, выражающий эту связку, падает фразовое ударение: *Он знает это*. При употреблении этого глагола имеется презумпция, что то, что мы знаем ("имеем в уме"), есть в действительности (применительно к пропозиции можно говорить о презумпции истинности, фактивности пропозиции [35])⁴.

Различия в семантике предложений с *знать* обусловлены различиями в роде объектов, которые имеются в уме: *Я знаю, что Вася пришел* — то, что мы имеем в уме — истинная (фактивная) пропозиция; *Я знаю Васю* — в уме присутствует образ Васи (ср. в отрицательном предложении: *Ты знаешь Васю?* — *Не имею о нем ни малейшего представления!*); *Я знаю, как добраться домой* ≈ "имею в уме план, программу соответствующих действий" и т.д.

⁴ При вторичном (контрастивном) употреблении *знать* "есть (в действительности)" перемещается в коммуникативный фокус: *Ты думаешь, что р?* — *Я не думаю, я знаю* ≈ "р есть в действительности" (то, что я имею р в уме — презумпция).

В предложениях с *думать/считать/полагать* коммуникативный фокус на содержания пропозиции, которую субъект имеет в уме. *Думать* и т.п. отличаются от *знать* также в том отношении, что при их употреблении нет презумпции существования "положения вещей", описываемого пропозицией (презумпции истинности пропозиции). (Как представляется, именно это, связанное с презумпциями различие маркируется З. Вендлером в терминах "субъективности" (мнения) и "объективности" (знания) [27].)

9. Если говорить более точно, следует различать презумпции говорящего (далее Г) и презумпции субъекта пропозициональной установки, того, кто имеет нечто в уме (далее С). Предложения, в которых Г и С различаются, представляют собой контекст максимальной дифференциации для интенциональных глаголов; предложения, в которых Г и С совпадают, образуют своего рода "слабую позицию" для этих глаголов, в которой некоторые семантические различия между ними нейтрализуются⁵.

Презумпции Г и презумпции С не находятся на одном уровне: "мир" С вместе со всеми его презумпциями как бы вложен в "мир" Г [36]. Следовательно, когда мы говорим, например, что С имеет презумпцию истинности пропозиции (далее р), это значит, что он имеет такую презумпцию по мнению Г, т.е. Г считает, что С имеет такую презумпцию.

При употреблении *знать* и у Г, и у С имеется презумпция истинности р (т.е. он может быть употреблен только в том случае, когда Г считает, что р есть, и считает, что С считает, что р есть)⁶.

Думать/считать/полагать употребляются в ситуации, когда у Г нет презумпции истинности р, а позиция С в отношении презумпций не маркирована, т.е. С может иметь презумпцию истинности р, а может не иметь такой презумпции — на употребление глагола это не влияет.

В *предполагает* и *подозревает* (с признаком "+плохое" в объекте), наоборот, у С нет презумпции истинности р, а позиция Г не маркирована (т.е. *Он предполагает, что его обманывают* может употребляться и в тех случаях, когда Г считает, что "его обманывают" — факт, и в тех случаях, когда он не считает, что это факт, и, наконец, в тех случаях, когда он считает, что это не факт, т.е. ложно).

Если С и Г совпадают в 1 л. наст. времени, то различия между *думать* и т.д. и *предполагать* и т.д. по понятным причинам нейтрализуются: *Я думаю, что р* = *Я предполагаю, что р*.

Далее коротко: *воображает/вообразил, что ..* — у С презумпция истинности р, у Г — презумпция неистинности р (ср. [33, с. 113—114]); *представляет/представил, что...* — и у Г, и у С презумпция неистинности р (в 1 л. различия между ними нейтрализуются); *догадывается* — у С нет презумпции истинности р, у Г есть такая презумпция, и т.д.

10. Глагол *верить* в позиции максимальной противопоставленности глаголам *думать* и т.д. ставит в коммуникативный фокус связку "быть (в действительности)": *Я верю в р / что р* = «Я считаю, что р — "есть"». Таким образом, можно сказать, что вера — это разновидность мнения, с тем отличием (сужением), что объектом, который имеется в уме в этом случае, является пропозиция, что нечто есть в действительности. Если содержанием мнения является пропозиция существования, то различия между *верить* и *думать/считать/пола-*

⁵ Такое совпадение наблюдается прежде всего в предложениях с глаголом в 1 л. наст. времени: *Я думаю, что р* (я = Г = С). Отметим, что в высказываниях от первого лица с глаголом (несов. вида) в прош. времени различие между С и Г в отношении возможных презумпций сохраняется. *Я думал, что р* — Г — я в настоящем, С — я в прошлом.

⁶ Не следует удивляться тому, что при описании ситуации "знания" мы употребляем слово *считает*. Вель *считает* — это мое слово, я являюсь в данном случае Г, и поскольку у меня нет презумпции истинности р, я должен употребить слово *считает*. Но если я воображу, что у меня есть такая презумпция, то то же правило я смогу выразить так *знать* употребляется в том случае, когда Г знает, что р есть, и знает, что С знает, что р есть.

гать практически нейтрализуются: *Он думает, что бог есть* ≈ *Он верит, что бог есть* (с тем отличием, что в *верить* есть презумптивный компонент "не имея достаточных рациональных оснований"). Узость значения *верить* позволяет ему выступать в разнообразных эллиптических конструкциях: *Он верит в леших* = "... в то, что лешие есть"; *Он верит Пете* = "Он считает, что то, что Петя говорит, истинно (т.е. соответствует действительности, есть)"; *Он верит в победу "Спартака"* = "считает, что победа "Спартака" есть/будет в действительности" и т.д.

Верить, однако, может употребляться и так, что в коммуникативный фокус попадает содержание диктальной (в смысле Балли [22]) пропозиции. В этом случае *верить* практически сливается с *думать/считать/полагать*: *В старину люди верили (= думали), что земля плоская*.

11. Предложенная трактовка семантики интенциональных глаголов позволяет, как нам кажется, очень просто объяснить особенности их языкового поведения. Так, глагол *знать* с огромным трудом принимает ряд пропозиций: *?Я знаю, что я люблю бананы / что я чувствую боль / что это стул* и т.п. (ср. [31, §§ 347, 466, 467, 530, 531 и др.]). Ясно, что мы знаем это. Но если это так, то почему мы не можем сказать: "Я знаю и т.д."? — спрашивает Витгенштейн [31, § 531]. Ответ, на наш взгляд, очевиден. Рассматриваемые предложения аномальны по той же причине, по которой аномально предложение *У меня есть голова*. Коммуникативный фокус в предложениях с *знать* на вопросе, имеет или не имеет соответствующую пропозицию в уме субъект, сама пропозиция, равно как и то, что она истинна, относится к данному. Однако если моему собеседнику уже известно, что я люблю бананы, то ему ясно, что я не могу не иметь этого в уме (не знать). Поэтому сообщение об этом нарушает "постулат информативности" [37; 34, с. 27; 10, с. 42].

Почему можно сказать *Я знаю Васю*, но неправильно **Я думаю/считаю/полагаю Васю*? Потому что *думать* ставит в коммуникативный фокус содержание того, что мы имеем в уме; последнее поэтому должно быть неизвестным, новым. Новое же может быть передано только пропозицией, только она, комбинируя старые, заранее данные элементы, производит новую их комбинацию, передающую новый смысл (ср. [20, § 4.03]).

Совершенно ясно также, почему можно сказать *Я знаю это/об этом/обо всем* и т.д., *Я верю этому/в это* и т.д., но нет смысла в **Я думаю/считаю/полагаю это* и т.д. Ведь в *знать* и *верить* коммуникативный фокус на связках "есть (в уме)" и "есть (в действительности)" соответственно; диктальная пропозиция относится в обоих случаях к данному, уже известному, поэтому ее можно (и часто, особенно для *знать*, даже лучше) заменить местоимением. Понятно, что такая замена в предложениях с *думать* и т.д., где пропозиция является новым, сообщаемым, делает предложение неинформативным, "пустым".

Если объект знания прономинализуется посредством *это*, то объект мнения может замещаться местоимением *так*. Различие в способах прономинализации отражает различие между "объективностью" знания и "субъективностью" мнения (последнее отмечено З. Вендлером [27]). Знают — одно и то же (= имеют в уме отражение одного и того же"), и это тождество отражается в употреблении *это*, но мнение у каждого свое (как у каждого внутри своя печень, сердце и т.д.). Оно, поэтому, не может быть тем же, но только таким же, как у другого. (Сказанное касается прономинализации после глаголов мнения, для существительного *мнение* возможны колебания: *И я придерживаюсь такого же/того же мнения*.) Отметим, однако, что и в предложениях с *так* коммуникативный фокус не падает на *думать* и т.п. (*И я так думаю; *И я так думаю; Я думаю — не так; *Я не так — думаю*). В коммуникативном фокусе остается содержание мнения (диктальная пропозиция), сообщается о том, что именно имеет в уме субъект, но сообщается особым образом: посредством сравнения с другим, известным мнением. Ведь мнение у каждого свое, и если

известно мнение₁ (в голове X-а), то еще ничего не известно о мнении₂ (в голове Y-а или X-а в другое время). Однако если мы скажем, что мнение₂ такое же, как мнение₁, то это уже сообщение о содержании мнения₂.

С местом коммуникативного фокуса связана также возможность "нулевого" заместителя при *знать*, но не при *думать*: — Приезжает X. — Я знаю (но не *Я думаю/считаю/полагаю); Я думаю, что p. — *И я думаю. (Как в предложениях с *думать* и т.п., так и в предложениях с *знать* возможен фокус на субъекте: *Кто знает это/думает так?* Однако это уже фактически предложения идентификации [5].)

По аналогичным причинам (различия в коммуникативной перспективе предложений с соответствующими глаголами) можно сказать *Я знаю кое-что/много о Васе*, но не **Я считаю кое-что о Васе*, *Я знаю, как/кто/где/почему/когда...*, но не **Я думаю/считаю/полагаю, как/кто/где...* В предложениях с *знать* в коммуникативном фокусе "иметь (в уме)", поэтому можно умолчать о том, что мы имеем в уме, ограничившись указанием на то, о чем (по какой "теме", по какому "вопросу") имеющиеся у нас сведения. В предложениях с *думать* и т.д. "умолчание" пропозиции делает предложение неинформативным, поскольку его коммуникативная цель в том, чтобы сообщить, что именно мы имеем в уме, но не в том, чтобы сообщить, что мы имеем в уме это.

Заметим, что в свете сказанного представляются сомнительными попытки трансформационно вывести конструкции с прямым объектом и вопросительными словами при *знать* из структур с *что*-придаточными [27, 30, с. 212—213; 10, с. 240—244; 38]⁷. Между первыми и вторыми имеется, как кажется, существенное различие. *Что*-придаточные непосредственно выражают пропозицию, которая и есть наше знание (то, что мы имеем в уме), между тем как прямой объект и придаточное с вопросительными словами обозначают предмет или область, о котором (которой) мы имеем знание. Очевидно, далее, что мы имеем в уме не только пропозиции, но и мысленные объекты непропозициональной природы, ср.: *Я знаю/помню Петю/вкус кофе (= какой вкус у кофе/каков вкус кофе)/эту мелодию/запах сирени* и т.д. То, что мы имеем в уме в этих случаях — не пропозиции, но зрительные, звуковые, вкусовые и т.д. или комплексные образы, "отпечатки" объектов. Другое дело, что эти образы могут быть описаны посредством пропозиций (с большим или меньшим успехом)⁸. Но все в мире может быть (также с большим или меньшим успехом) описано с помощью пропозиций, например, это дерево может быть описано с помощью пропозиций. Но это не значит, конечно, что дерево можно свести к пропозиции.

Ввиду рассмотренного выше соотношения между презумпциями и коммуникативно значимыми (ассертивными) компонентами в семантике данных глаголов становится понятным их поведение под отрицанием. Как известно, отрицание воздействует на ассертивные элементы семантики и не затрагивает презумпции [40, 33, 34; 10]. В предложениях с *думать/считать/полагать* в коммуникативном фокусе содержание пропозиции, поэтому эти глаголы "пропускают" сквозь себя отрицание: *Я не думаю, что p = Я думаю, что не p*. В предложениях с *верить* в коммуникативном фокусе "есть (в действительности)" соответственно этот компонент и подвергается отрицанию (отсюда своеобразное частичное "перенесение" отрицания в предложениях с этим глаголом): *Я не верю, что p = Я не считаю, что p — есть = Я считаю, что p не есть/что не p*.

⁷ Ср. с близким по духу тезисом А. Вежбицкой: "Знать = мочь высказать истину" [39].

⁸ Ср.: 1) *Вася знает, когда родился Есенин — знает, что Есенин родился в 1895 г.*, 2) *Как лететь с земли до звезд, как поймать лису за хвост, как из камня сделать пар, знает доктор наш Гаспар*, где для описания знания доктора может потребоваться грандиозная серия пропозиций, 3) *Я знаю вкус кофе/эту мелодию*, где пропозиции бессильны: чтобы знать вкус кофе (как и многое другое), надо его попробовать.

⁹ В отрицательных конструкциях глагол *думать* может, — как правило, при поддержке усиленных частиц — попадать в коммуникативный фокус. В этом случае он подвергается воздействию отрицания (и "перенесения" отрицания не происходит): *Я и не думаю, что такое возможно!*

Наконец, в предложениях с *знать* коммуникативный фокус на самом глаголе, поэтому он не пропускает отрицание, отрицается "имение" знания субъектом: *Он не знает, что р ≠ Он знает, что не р*.

Рассмотренные глаголы разделяют со всеми "связочными" словами недостаточность в области номинализаций. Они не дают номинализаций со значением действия, процесса, состояния, признака и т.д. в полном соответствии с тем, что предложения вида *Х знает/думает/верит, что р* обозначают не действие, не состояние и не признак Х-а, а только факт (*знание* и *мнение* обозначают в общем случае мысленные объекты, которые люди имеют в уме).

12. Не имеют полных (процессных) номинализаций и близкие к интенциональным глаголам глаголы восприятия (в первичном значении) — *видеть, слышать, чувствовать, ощущать, чують, испытывать* и т.д.: *Вася видит лису* — **видение Васей лисы* и т.д. Значение их также сводится к "связке", соединяющей (в случае этих глаголов) субъект и перцептуальный объект. Иными словами, эти глаголы указывают, что в "перцептуальной картине мира" субъекта есть (имеется, существует) тот или иной перцептуальный образ: *Х видит Y* = "Х имеет зрительный образ Y-а" = "Х имеет Y в поле зрительного восприятия" (ср. [26, с. 135], а также [41; 30, с. 208, 219; 32, §267]). Семантическая структура предложений с глаголами восприятия (в их первичном значении) более примитивна, чем семантическая структура предложений с интенциональными глаголами. Образы, описываемые в предложениях восприятия, не "отвлечены", не "оторваны" от действительности абстрагирующей деятельностью мышления. "Картина мира" и сам мир, образы предметов и сами предметы слиты, не дифференцированы на уровне предложений восприятия. Для того, чтобы употребить интенциональный глагол (например, *Я считаю, что р*), необходимо сначала "отвлечь" *р* от действительности (т.е. осознать, что образ или пропозиция, которую мы имеем в уме, это одно, а действительность — это другое), а затем как-то соотнести с ней, т.е. решить, есть *р* или нет, или, может быть, есть, и только потом можно употребить тот или иной интенциональный глагол. *Видеть* же и т.п. не требуют такого решения. Если субъект имеет зрительный образ X, мы можем сказать, что он видит X, независимо от того, есть X в действительности или только кажется. Так, больной белой горячкой видит чертей, и мы не можем сказать, что ему кажется, что он видит, — нет, он видит их!

13. Наряду со словами, значение которых в целом (или основном) сводится к "связке", имеются слова, в которых "связка" составляет "вершинный" семантический компонент, которому подчинены предметные или признаковые компоненты: *женат* — "имеет жену", *рогат, горбат, усат, бородат* — "имеет рога, горб и т.д."; *грязен* — "имеет грязь в себе или на себе"; *белеет* — "имеется в поле зрения (о предмете белого цвета)"; аналогично *темнеет, голубеет, высится* и т.д. Полные номинализации, естественно, отсутствуют: **беление паруса, *вышение горы, *женатость Пети*.

Как кажется, в группу "связочных" слов входят также глаголы "чистой каузации" (каузативные связки): *нести, вызывать, причинять* и т.д. и глаголы со значением "чистая каузация + каузируемое положение вещей": *радовать, веселить, мучить, вращать* и т.д. (полных номинализаций нет). По-видимому (это требует изучения), наличие и место "связки" в семантике глагола играет определяющую роль в противопоставлении видов в русском языке. Значение глаголов совершенного вида представляет собой конъюнкцию, "связку" как минимум двух последовательных ситуаций, положений вещей, ср.: *На щеке снежинка тает, вот она была и нету = растаяла*.

14. Для того, чтобы полностью очертить и исчерпывающе описать класс слов, в значении которых ведущим компонентом является "связка", необходимы, конечно, дальнейшие исследования. Необходимо, в частности, решить вопрос о соотношении "связочных" слов и слов, выражающих отношение

(слов с "реляционным значением" [4]). Возможно, что "в глубине", в основе семантики по крайней мере многих из этих слов — "связка" (см. раздел "Реляционное значение" в [4]).

Чем более мы углубляемся в область слов, воплощающих "связку", тем яснее вырисовывается та чрезвычайно важная роль, которую "связка" играет в языке. В ней фокусируются черты, специфические для языка и мышления как особых систем отражения и познания мира. Изучение слов, заключающих в себе "связку", имеет поэтому не только чисто лингвистическое значение, но и позволит глубже понять устройство концептуальной системы человека — того аппарата, посредством которого человек видит и отражает в сознании мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 19.
2. Пирс Ч. С. Элементы логики. *Grammatica speculativa* // Семиотика. М., 1983. С. 159—160.
3. Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (К проблеме предикативного отношения) // ИАН СЛЯ. 1980. № 4.
4. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. Гл. 3. М., 1980.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Падучева Е. В. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 20. М., 1980. С. 9.
7. Vendler Z. *Linguistics in philosophy*. Ch. 5. Ithaca; New York, 1967.
8. Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978. С. 106.
9. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. С. 192, 196.
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
12. Russell B. *The principles of mathematics*. L., 1903. P. 64.
13. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
14. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
15. Арутюнова Н. Д. Функции определений в бытийных предложениях // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 32.
16. Семечерстова О. Н. Понятие "множество" и "пространство" в семантике синтаксиса // ИАН СЛЯ. 1983. № 2.
17. Babby L. H. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, 1980. P. 99—101.
18. Павлычев Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
19. Пашковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 217, 220, 257.
20. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1956.
21. Шалютин С. М. Искусственный интеллект: Гносеологический аспект. М., 1985. С. 18.
22. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
23. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974. С. 197.
24. Словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.
25. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. С. 332.
26. Wierzbicka A. *Mind and body* // *Syntax and semantics*. V. 7. N.Y., 1976.
27. Vendler Z. *Res cogitans: An essay in rational psychology*. Ithaca; London, 1972.
28. Семантические типы предикатов. М., 1982.
29. Hornby A. S. *Oxford student's dictionary of current English*. Oxford, 1984.
30. Hintikka J. *Knowledge and the known: Historical perspectives in epistemology*. Dordrecht; Boston, 1974.
31. Wittgenstein L. *On certainty*. Oxford, 1969.
32. Braithwaite R. B. *The nature of believing* // *Knowledge and belief*. Oxford, 1968. P. 28.
33. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
34. Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // НТИ. Сер. 2. 1981. № 11.
35. Kiparsky P., Kiparsky C. *Fact* // *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics, and psychology*. Cambridge, 1971.
36. Падучева Е. В. К теории референции: Имена и дескрипции в неэкстенсиональных контекстах // НТИ. Сер. 2. 1983. № 1. С. 25.
37. Grice H. P. *Logic and conversation* // *Syntax and semantics*. V. 3. N.Y., 1975.
38. Падучева Е. В. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // Разработка формальной модели естественного языка. Новосибирск, 1981. С. 97—98.
39. Wierzbicka A. *Dociekania semantyczne*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
40. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
41. Cook W. J. *The relation of knowing to thinking* // *Knowledge and belief*. Oxford, 1968. P. 17.